

Л. А. Грицай**Полемика «грекофилов» и «латинофилов» о сути воспитания детей в семье во второй половине XVII века**

В статье анализируются педагогические идеи, появившиеся в России во второй половине XVII века. Целью исследования является анализ представлений о воспитании детей в семье с помощью изучения оригинальных сочинений таких авторов, как Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Симеон Полоцкий, Карион Истомин. В работе используются методы, позволяющие дать оценку педагогическому наследию эпохи, основанные на исторической реконструкции педагогических явлений и их последовательном осмыслении. Это позволило определить общие черты особенностей воспитания детей в семье в понимании представителей византийско-русского направления («грекофилы») и западно-ориентированного направления («латинофилы»), осмыслить возникшие у них разногласия в понимании данной проблемы. Это дало возможность сделать вывод о том, что главным пунктом их противостояния была идея о необходимости ориентации на просветительские гуманистические идеи западной педагогики или на отечественные традиции воспитания в их тесной связи с наследием византийских авторов.

Ключевые слова: воспитание в семье, история педагогики, эпоха XVII века, педагогические идеи, «грекофилы», «латинофилы».

Введение

XVII век представляет собой значимый период отечественной педагогической мысли. Исследуя сочинения авторов второй половины столетия, важно отметить, что вся эпоха была наполнена поисками педагогических идей, которые могли бы послужить основой для развития системы воспитания в стране. С одной стороны, можно было обратиться к западноевропейским представлениям о воспитании в духе просветительства и гуманизма, а с другой — найти опору в традиционном понимании сути воспитания детей, обращаясь к наследию византийских авторов или сочинениям древнерусских мыслителей.

Авторы, обращенные к миру традиционной педагогической культуры, свои воззрения основывали на концепции «Москва — Третий Рим», которая требовала от нашего Отечества определения своего особенного пути развития, свойственного православной державе. Как замечает В. И. Блинов, детей с самого раннего возраста приучали к тому, что в мире существует лишь одна истинная вера — православная, лишь одна истинная церковь — православная [3, с. 27]. Это формировало потребность обращения к византийскому опыту социального устройства, который включал как государственную идеологию и систему церковного понимания мира, так и систему педагогических взглядов.

При этом не всех устраивал подобный подход. Часть русской элиты стремилась обращаться не к опыту погибшей под ударами турок Византийской империи, а к опыту западных стран — в первую очередь латино-польскому (который относился к католическому миропониманию). Это предполагало культурную адаптацию новых идей и трансформацию их в связи с историческими и общественными условиями, ментальными особенностями народа. Однако из-за событий Смуты и интервенции на Руси с определенным недоверием относились к западным нововведениям, полагая, что следование «латинской ереси» приведет страну к потере национальной самобытности и государственности. Это усложняло процесс адаптации многих западноевропейских педагогических идей на русской почве. Несмотря на это, именно в этот период зарождался новый тип педагогического мышления, нашедший свое яркое проявление уже в Петровскую эпоху.

© Грицай Л. А., 2022

Следовательно, проблемным полем для изучения становятся педагогические идеи семейного воспитания в средневековой Руси второй половины XVII века, нашедшие отражение в «полемике» «латинофилов» и «грекофилов», а также предпосылки их появления, что позволяет реконструировать особенности процесса представлений о сущности воспитания детей в исследуемый период.

Целью статьи является изучение представлений о сути воспитания детей в семье в работах авторов второй половины XVII века для определения основных параметров развития процесса такого воспитания и реконструкции предложенной системы взаимодействия родителей и детей, которая нашла отражение в модели семьи того времени.

Исследованию отечественного педагогического наследия второй половины XVII века посвящено большое количество научных трудов. Это свидетельствует о том, что данная эпоха рассматривается в работах ученых как важный период развития педагогической мысли. Следует отметить труды В. П. Адриановой-Перетц [1], В. И. Блинова [3], П. Е. Бухаркина [4], В. В. Буш [5], М. И. Демкова [7], К. С. Диянова [9], М. С. Киселевой [12], Д. С. Лихачева [14], Е. Н. Медынского [15], А. А. Морозова [16], В. Н. Нечаева [17], А. М. Панченко [19], И. А. Подтергерера [20], Н. В. Пуминовой [22], В. С. Румянцевой [23], А. А. Савельева [24], М. Н. Сменцовского [26], Г. В. Талиной [28], В. А. Ускова [29], Л. А. Черной [30] и др. В данных работах представлены основные направления развития педагогической мысли в изучаемый период, рассмотрены связи между западноевропейскими, византийскими и отечественными педагогическими идеями, а также особенности процесса развития представлений о воспитании детей.

Методы исследования

Выбор методов исследования обусловлен особенностями изучения историко-педагогического процесса. Данная специфика определила в качестве основополагающих метод логического анализа общенаучной литературы и первоисточников, системно-структурный анализ, методы обобщения и систематизации, метод сравнительно-исторического анализа, метод интерпретации и смысловой реконструкции историко-педагогических источников.

Результаты исследования

Как уже упоминалось выше, в педагогической мысли того времени сложилось несколько направлений, два из которых мы можем назвать «грекофильским» и «латинофильским». Выделение этих направлений связано с тем, что у сторонников «греческого» и «латинского» взгляда на устройство нашей страны и системы воспитания в ней возникли определенные разногласия.

Как отмечает К. С. Диянов, «полемика, разразившаяся между грекофилами и латинствующими в конце XVII в., может представляться как своеобразный раскол внутри подобной, доселе единой придворной среды, причинами которого могли выступать как внутренние, так и внешние факторы» [9, с. 29].

Деятельность грекофилов и латинофилов по-разному оценивается в различных исторических исследованиях, однако, как правило, первых соотносят с византийско-церковным направлением, а вторых — с началом светского преобразования системы воспитания¹ [29, с. 74].

В научной литературе сторонников этих двух направлений принято называть по-разному: «восточники» и «западники», «мудроборцы» и «сторонники латинской учености», мы же обозначим первых из них представителями византийско-русского направления, или «грекофилами», а вторых назовем «латинофилами» [26].

¹ Отметим, что большинство изучаемых нами авторов как первого, так и второго направления были монахами, то есть церковными деятелями.

Естественно, что у сторонников данных двух направлений были несколько разные взгляды на воспитание детей в семье. Рассмотрим эти взгляды более подробно, обращаясь к литературному наследию указанных нами авторов.

Итак, представители византийско-русского направления тяготели к обоснованию нового подхода к воспитанию детей, исходя из православных греческих традиций. Именно в этот период греческая книжная мудрость получила распространение на Руси. По словам греческого ученого Спиридона Сфетаса, именно в середине XVII в. «были созданы предпосылки для упрочения русско-греческих связей, достигших своего апогея» [27]. Это была определенная «европеизация» нашей страны, приобщение Московской Руси к византийской мудрости. Однако данный путь просвещения в целом вписывался в заданную линию развития Руси как православной державы.

В этой связи традиционные представления о сути воспитания детей в семье не подвергались критике, однако сам процесс такого воспитания рассматривался представителями данного направления и в русле ветхозаветного воспитательного подхода (с его строгим и требовательным отношением к ребенку), и в русле новозаветного воспитательного подхода. Это привело к тому, что общественные цели воспитания детей остались неизменными. Как и в древнерусскую эпоху, они включали достижение личностью духовного совершенства в его ветхозаветном или благодатном новозаветном понимании. Сохранили свое прежнее значение общественные ценности воспитания: в ветхозаветном подходе ценность постижения единства с Богом, служения Ему, ценность единства семьи, ценность почитания родителей и послушания их воле, ценность детей; в новозаветном подходе: ценность спасения, ценность единства семьи, ценность почитания родителей и послушания их воле, ценность детей. Однако характер взаимодействия детей и родителей в семье, реализация ролевых функций, стили поведения отца и матери как воспитателей, педагогические задачи, средства, позволяющие реализовывать воспитательные технологии, методы и принципы воспитания сместились в сторону новозаветного воспитательного подхода. То есть предлагались более гуманные возможности для реализации детско-родительского взаимодействия.

Рассмотрим в этой связи наследие представителя византийско-русского направления Епифания Славинецкого (1600—1675). Заметим, что сам Епифаний, один из лидеров «грекофильского движения», был призван в Москву с Малой Руси царем Алексеем Михайловичем и его духовником Стефаном Вонифатьевым для исправления русских духовных книг согласно греческим образцам. Среди его работ можно отметить многочисленные проповеди, словари и сочинение, состоящее из вопросов и ответов, под названием «Гражданство обычаев детских».

Епифанием Славинецким было написано около 50 «Слов» — проповедей, обращенных к прихожанам храмов после завершения службы. Заметим, что сам жанр таких слов был на Руси утрачен, восстановили его именно выходцы из Киева. «Слова» Епифания написаны книжным языком, они содержат большое количество цитат из библейских текстов. Основная мысль всех проповедей связана с необходимостью просвещения людей, выхода их из мрака невежества.

Историк Н. И. Костомаров цитирует труды Епифания: «В нынешние времена много видим мы ослепленных людей, которые возлюбили мрак неведения, ненавидят свет учения... эти мысленные совы, ненавистники науки, скроются в любимый ими мрак, когда ясная благодать пресветлого царского величества захочет разрушить тьму, прогнать темный обман и благоизволит воссиять свету науки и просвещать природный человеческий разум» [13, с. 96].

В данном поучении нам интересна мысль о том, что именно царь является проводником истинных знаний в мире людей, именно с его личностью связано радение об этом благе. Епифаний обещает прощение грехов тем, кто будет стремиться открывать юношам новые истинные знания: «а это, паче всех добродетелей... получишь прощение грехов своих!» [7, с. 286].

Много говорит Славинецкий и о значении примера в деле воспитания: «Будь (для детей и рабов) твоих таков, каким хочешь, чтобы был для тебя владыка» [7, с. 288]. Указывает на необходимость попечения детей, оставшихся без родителей («Вот дети, оставшиеся без родителей; попечителей у них нет, или же попечители не радуют о них»).

Таким образом, уже в этих «Словах» мы видим, что Епифаний выступает перед нами и как поборник идеи книжного просвещения, и как представитель традиционных христианских взглядов на воспитание детей.

Эту же особенность педагогического наследия ученого монаха можно увидеть в его труде «Гражданство обычаев детских» (в некоторых списках «Дворство обычаев добрых»). Данный педагогический памятник долгое время оставался в рукописном виде и был представлен читателям только в прошлом веке [5, с. 33].

В академической науке существует две точки зрения на происхождение этого сочинения. Первая принадлежит Е. Н. Медынскому, который полагал, что данный труд связан с трактатом Яна Амоса Коменского «Наставление нравов» («Praecepta morum in usum juventutis collecta», 1653) [15, с. 73]. Вторая точка зрения, сторонником которой является М. П. Алексеев, исходит из того, что «Гражданство обычаев детских» — небуквальный перевод книги известного на западе гуманиста Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium» [5, с. 33].

Книга Епифания представляет собой, скорее, образец нравоучительной литературы того времени с причудливым сочетанием традиционных воспитательных подходов и новых педагогических идей. При этом книга, написанная в катехизисной форме, снабжена большим количеством цитат из Нового Завета и иных текстов Библии. Само «гражданство» автор понимает как «добросклонность и человекопочитательство», «исполнение житейского долга», что дает некоторым авторам право сравнивать данный текст с рукописями «Домостроев» [23].

Епифаний разделяет текст на три части: первая часть посвящена правилам религиозной жизни ребенка-христианина, здесь много наставлений, обращений к детям для того, чтобы они стяжали христианскую добродетель, во второй части говорится о важности познания наук, в третьей уделяется внимание культуре внешнего поведения ребенка.

В данном труде также учитывается принцип природосообразности воспитания детей, есть представление о том, что дети развиваются, играя (так, например, присутствует глава «Об игрании»), указывается на то, что нравственное развитие детей совпадает с их умственным развитием, соответственно развитие ума — это начало развития добродетельных душевных качеств. Славинецкий замечает, что внешнее поведение ребенка — это проявление его внутреннего мира.

Отчасти следуя традициям «Домостроя», Е. Славинецкий говорит о необходимости приучения ребенка к определенным правилам поведения в семье, включающим достойное нравственное отношение ребенка к окружающим людям («благочинное поведение»), почитание родителей и старших членов семьи, соблюдение этики, стремление к добродетельной жизни.

Таким образом, мы видим образец педагогического сочинения, в котором уделяется внимание вопросам социально одобряемого поведения ребенка в соответствии с христианским идеалом.

Педагогические воззрения Епифания разделял и его ученик — монах Евфимий Чудовский (ум. 1705), образованнейший человек своего времени, оставивший большое наследие, состоящее из переводных сочинений и религиозных текстов.

Уже в своих стихотворных произведениях нравоучительной направленности Евфимий пишет о воспитании детей в соответствии с христианским идеалом личности: ребенок должен быть смирен, кроток, милосерден, нравственен и послушен («...знанию яко отец дети научает. И покорный пасомец тому да последствит, заповеди храняя небо да наследствит») [25, с. 313]. Он советует родителям воспитывать детей с помощью собственного добродетельного примера: «Делом того людие сами подражайте, таже творити своя дети научайте» [25, с. 312]. Указывает на необходимость приобщения к христианским истинам: «Невежество закона — злоба преглубока, того же знание есть доброта висока» [25, с. 312]. Говорит о недопустимости баловства детей: «Матери прелестници детищи прелщають, егда младым пенязи обилны давают» [25, с. 323]. Заметим, что в данных стихотворных произведениях Евфимий опирается на тексты Нового Завета¹, ища в них ответы на важные для него вопросы воспитания. Существует интересное наблюдение ученых, согласно которому Евфимий Чудовский, как и другие сторонники византийско-русского направления, не принимал «латинофильской» трактовки идеи просвещения.

Как отмечает Н. В. Пуминова, Евфимий Чудовский резко противопоставляет латинское «новомышленное и лживое» и православное «древлепреданное и истинное» [22, с. 74]. Цель человека — единение с Богом, тогда как любая мысль, направленная на утверждение собственного мнения, так или иначе, человека от Бога отдаляет.

Таким образом, сам Евфимий и вместе с ним представители византийско-русского направления по-иному, чем «латинофилы», понимают идею просвещения. Знания, которые человек может получать, имеют ограничения. В первую очередь они ограничены христианским смирением человека перед Творцом Вселенной. В трактате «Остен» (который, по мнению исследователей, также принадлежит перу Евфимия) читаем: «Начало прелести уму — тщеславие, от него же движим ум, образы и зраки описовати покушается непостижимое» [18, с. 74].

Такая мысль в целом характерна для греческого миропонимания, например, похожие размышления находим в сочинениях Дионисия Ареопагита: «Если же душа попытается дерзостно преступить пределы соразмерно ей данного... несвойственного ей не достигнет, а соразмерное ей, бесчинно презрев, по своей вине потеряет» [8, с. 595].

Именно эта мысль, так часто встречающаяся в работах представителей данного направления, практически незнакома трудам «латинофилов», которые унаследовали западноевропейское представление о всемогуществе личности человека, его призвании к целостному и безграничному познанию мира.

По мнению И. А. Подтергера, такое сочинение, как «Алфавитар ради учения малых детей», известный как рукопись конца XVII века [20, с. 233—234], принадлежит перу Евфимия Чудовского (хотя в науке есть представление о том, что авторами данного текста являются братья Лихуды [11, с. 723]).

«Алфавитар...» продолжает традицию составления букварей, предназначенных не только для обучения детей чтению, но и нравственного и умственного воспитания. Дети благовоспитанные и трудолюбивые в нем образно сравниваются с цветами, целью данного букваря является воспитание христианина, способного понимать («уразумевать») тексты Библии.

¹ Известно, что Епифаний Славинецкий и Евфимий Чудовский работали над новым переводом Нового Завета согласно греческим образцам. В целом в их наследии преобладают цитаты из новозаветных текстов.

Как отмечает И. А. Подтергера, в качестве адресатов в Букваре упоминаются также родители, которые должны помогать своим чадам при обучении чтению [20, с. 241]. Более того, Евфимий указывает, что просвещение детей в духе христианской истины есть прямая обязанность родителей, напоминая последним слова И. Златоуста о том, что те матери и отцы, которые не пекутся об обучении своих детей, есть «детоубийцы» и «дето-пренебрегатели» [20].

Таким образом, мы видим, что автор, следуя традиционным представлениям о воспитании детей в семье, но оставаясь верным идее просвещения в духе православного учения, советует родителям не пренебрегать обучением своих детей, сообразуя нравственное и умственное воспитание. В своих нравоучительных текстах Евфимий опирается больше на Новый, чем на Ветхий Завет, что свидетельствует о его педагогической позиции.

Другое из обозначенных нами направлений было связано с обращением к западным педагогическим идеям. Представители этого направления — выходцы из малорусских и белорусских земель, примыкавших к Речи Посполитой. Согласимся с суждением В. Н. Нечаева, отмечавшего, что, будучи православными по вере, представители русской книжной мудрости из западных русских территорий в значительной степени усвоили польскую католическую культуру [17, с. 78].

На эту же особенность указывает и П. Е. Бухаркин: многие из пришедших тогда в Москву малорусских монахов-интеллектуалов напрямую соприкоснулись и с католическим богословием — «многие из них прошли выучку в католических коллегиях Речи Посполитой» [4, с. 105]. Именно эти люди были призваны внести в традиционный мир русской культуры новые элементы.

Следует заметить, что в то время западные страны пережили эпоху Возрождения и ступили на путь создания новых воспитательных концепций, основанных на вере в неограниченные возможности человека, что способствовало развитию личностного начала и определенному отходу от христианских догм.

Еще советские ученые, анализируя памятники книжности той поры, отмечали в данных произведениях постепенный отход от православных канонов древнерусской культуры и появление личностного начала, что приводило к возрастанию значения просветительского элемента и связанной с ним назидательной, учительной литературы [1, с. 8].

По суждению В. В. Бычкова, кризис средневекового миропонимания подспудно уже назревал в России — элементы средневекового эстетического сознания активно вытеснялись новыми формами и принципами: западными реализмом и индивидуализмом [6, с. 15].

Эту же особенность отмечает Д. С. Лихачев, указывая, что в тот период в литературных произведениях, в искусстве, в педагогических памятниках происходит своеобразное «открытие человеческой личности» [14, с. 136—146].

Таким образом, в трудах представителей данного направления сложившийся «домостроевский» тип семейного воспитания претерпевал изменения. При этом общественные цели, ценности, официальные доктрины воспитания продолжали оставаться неизменными. Изменились задачи, средства, методы, принципы воспитания, которые стали опираться на научные представления о формировании личности детей, также существенно обогатились знания родителей о развитии детей. Представители указанного направления существенно расширяли систему этих знаний, обосновывая принцип природосообразности воспитания, определяя особенности развития детей и важность соотношения этого развития с системой воспитания.

Эти идеи можно увидеть в трудах воспитателя детей царя Алексея Михайловича, видного мыслителя того времени Симеона Полоцкого (1629—1680). Именно Полоцко-

го современные ученые называют одним из первых в нашей стране носителей мысли о «просветительстве», считая, что «стремление к образованию и просвещению было присуще многим его художественным произведениям, он стремился не просто развлечь читателя, но и научить, просветить его» [9, с. 55].

Полоцкий был автором около 200 сочинений, в том числе стихотворений и проповедей. Эти работы содержат его размышления о воспитании. Например, в своем труде «Вертоград многоцветный» автор указывает на необходимость начинать воспитание и обучение детей с самого раннего возраста («Дерево младое удобно клонится / тако юноша всяческим учится» [2, с. 334]), говорит о важности трудового воспитания («Да своим трудом питаем бывает, / а не чужая же труды поглощает» [2, с. 334]), необходимость в поступках, а не на словах демонстрировать свои убеждения («Мнози к добротам иных увещают, / сами же онех ни мало творяют» [2, с. 335]). При этом автор не отказывается от такого метода воспитания, как наказание, считая, что телесные наказания для личности растущего человека приносят пользу («Плевелы от пшеницы жезл тверд отбивает, — / Розга буйство из сердец детских прогоняет» [7, с. 252]).

В «Тестаменте» автор создает специальное предисловие, которое называет «Увещание к читателям». Здесь он напрямую обращается к родителям, говоря им о том, что самым важным методом воспитания является их личный пример: «Да образ помнят, слово же читают, / добродетели твоя подражают» [2, с. 336]. Вспоминая древних мудрецов, в частности Иоанна Златоуста, автор говорит о том, что все плохое в жизни ребенка является результатом дурного воспитания. Поэтому только достойный пример родителей может предостеречь детей от следования путем зла: «Дабы ничто зло слышати и зрети / тако добрии будут ваши дети» [2, с. 337]. Среди средств воспитания автор называет благое делание и страх: «От дел бесчинных страхом отучайте, / от детства благим делесем учите» [2, с. 337].

Своеобразное сочетание традиционных ветхозаветных представлений о воспитании детей и новых, пронизанных идеями западноевропейских идей гуманизма и просветительства, встречаем в сборниках Полоцкого «Вечеря душевная» и «Обед душевный».

Например, в «Обеде душевном» есть глава «О наказании чадам». В ней автор размышляет о том, почему у благонравных родителей появляются недостойные дети. Причину он видит в баловстве детей, в потакании их капризам: «от матерняя ласкательства, от отча ненаказания» [2, с. 342]. При этом Полоцкий указывает, что перевоспитать таких изнеженных детей практически невозможно.

Об идеях гуманизма, которые присутствуют в трудах мыслителя, свидетельствует глава «О должном чад воспитании», в которой автор рассматривает любовь между родителями и детьми как основу воспитания, при этом он утверждает, что такая любовь должна быть не «плотской», балующей, а любящей, освещенной светом христианского благоразумия [2, с. 341]. Поэтому автор советует родителям избегать излишней суровости в воспитании, проявлять к своим чадам милосердие: «Яко же дети не гордятся, не гневаются, не пьянствуют, не блудодействуют, не убивают: тако нам по разуму творити достоит, смиряться, прощати, трезвиться, чистым бытии, и руце держать от биения» [21, с. 197].

Большое внимание автор уделяет просвещению детей, считая именно просвещение важным средством формирования личности. Именно с помощью верных знаний, по его мнению, можно сформировать «совершенного человека, на всякое дело уготованного» [2, с. 137]. Как полагает Л. А. Черная, у Полоцкого вслед за западноевропейскими просветителями возникает идеал «совершенного человека», связанный с совершенством Бога [30, с. 223].

Такие же воспитательные идеи находим в другом сочинении «Вечеря душевная». Здесь также переплетаются между собой идеалы педагогики «домостроевского» типа и идеи гуманизма и просветительства. Часть советов автор берет из ветхозаветной книги Иисуса, сына Сирахова, в частности, он отмечает, что «родители должны иметь постоянное старание, чтобы их плод был хорошим» [2, с. 343]. Полоцкий обращается к популярному библейскому сравнению, говоря о том, что душа ребенка подобна воску, из которого мудрые и добродетельные родители лепят образ орла, голубя, льва, вепря, вола, волка, медведя, осла, ягненка, лисицы, горноста и т.д. Однако тем самым он фактически обосновывает принцип природосообразности воспитания. Самое главное, на что обращает внимание родителей мыслитель, связано с тем, что отец и мать призваны Богом быть воспитателями не просто телес, но и душ детей своих, ибо, «родив для мира их тела», родители нравственно рожают «их души для Бога» [2, с. 346].

Особое внимание Симеон уделяет вопросу о выборе родителями добрых учителей для их чад, полагая, что избрание достойного мудрого мужа, который будет истинным наставником ребенку, поможет ему твердо стать на путь добродетели и приобрести добрые знания. Исходя из этого мыслитель приводит множество примеров из древней литературы, согласно которым правильный выбор учителя способствовал истинному воспитанию детей [2, с. 346—347].

Данный педагогический принцип, который мы можем обозначить как стремление в воспитании к просвещению детей, находит продолжение в понимании Полоцким значения труда. В частности, ученый призывает родителей как можно раньше приучать детей к труду, так как безделье может ввести юношу в грех: «Чесо ради чадолюбивии, должни суть юность рожденных собою ко трудом душеполезным прикланяти и от младых ногтей добрым делом приучати я: ему же приобькнет младость, то беструдно носит старость» [21, с. 140]. Истинная же просвещенность, по мнению Полоцкого, способствуют формированию внутреннего мира личности: «Естество дает токмо еже жити, / философия учит благо жити; / ово со скоты обще нами бывает, / сие ангелом нас уподобляет» [21, с. 147].

При этом Полоцкий понимает просвещенность с точки зрения христианской позиции как Божественный дар людям [16, с. 172].

Практически впервые в отечественной педагогике Симеон Полоцкий предлагает в «Вечере душевной» возрастную периодизацию развития детей. Он полагает, что от рождения до 7 лет родители должны всеми силами способствовать нравственному воспитанию своих детей, закладывая в них основы добродетели; период от 7 до 14 лет — это время практического обучения наукам и мастерству. Кроме того, отмечает ученый, в этот период родители должны оберегать своих детей от неприличных зрелищ и способствовать тому, чтобы они видели перед собой благой пример. В возрасте от 14 до 21 года дети должны окончательно сформировать свое мировоззрение и стать истинными гражданами своего Отечества.

Как полагает А. С. Елеонская, «просветительство» для Симеона Полоцкого тесно перекликалось с проблемой «душеврачевания», борьбой с духовными недугами общества, Симеон Полоцкий сравнивал себя с врачом, который «палит и режет», искренне верил, что «горячая» и «горькая» пища духовная, предложенная им читателю, послужит «во пользу народную», поможет сформировать «совершенного человека» [10, с. 147].

В научной среде принята точка зрения, согласно которой произведения Полоцкого могут быть соотносимы с наследием западных педагогов гуманистического направления, в первую очередь речь идет о «Великой дидактике» Яна Амоса Коменского и «Гражданстве обычаев детских» — трактате Эразма Роттердамского [2, с. 172].

Кроме того, считается, что на произведения Симеона Полоцкого оказали влияние следующие работы западноевропейских мыслителей того времени: проповеди немецкого иезуита М. Фабера, проповеди католического церковника Меффрета, латинские сборники «Hortus pastorum» Якоба Марханги, «Золотая легенда» Якова де Воррагине и др. [9, с. 63].

Следовательно, изучив педагогические взгляды С. Полоцкого, можно сделать вывод о том, что автор создает систему воспитания детей в семье, основываясь на традиционных представлениях о таком воспитании и обращаясь к новым гуманистическим идеям (например, можно отметить его идею просвещения как «душеврачевания»). В частности, он обосновывал принципы природосообразности и культуросообразности воспитания, указывал на необходимость развития в детях личностного начала, значение просвещения в процессе становления ребенка.

При этом важно отметить тот факт, что педагогические воззрения Полоцкого были известны части русской элиты, которая разделяла его взгляды. Неудивительно, что в книге того времени, которая сегодня известна под названием «Педагогический сборник конца XVII в.», воспроизводятся все идеи, высказанные Полоцким. Это дало основание П. Ф. Каптереву считать, что сборник составлен самим Симеоном, а М. И. Демкову, что его собрал один из его учеников. М. И. Демков указывает, что расхождения с произведениями Симеона в нем малозначительны и касаются обращений к читателям и орфографии [7, с. 274].

Симеон Полоцкий был одной из самых ярких фигур рассматриваемого «латинофильского» направления, однако у него было немало «идейных сподвижников». По мнению А. М. Панченко, к этому направлению можно отнести Сильвестра Медведева, Кариона Истомина, Мардария Хоникова, макарьевского архимандрита Тихона, позднее — Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского [19, с. 116].

В данной связи интересно сопоставить взгляды на воспитание детей поэта и переводчика Кариона Истомина. Как известно, в историю русской педагогики Карион Истомин вошел как составитель и издатель иллюстрированного букваря. Особенностью этой книги, обращенной к детям, является ее опора на нравоучительные труды западноевропейских мыслителей, в первую очередь работы Я. А. Коменского. Букварь учитывает принцип природосообразности, стремится к наглядному представлению тех понятий, которые упоминаются в книге. В тексте нет ни молитв, ни назидательных наставлений.

Особо ратует автор о благе просвещения детей, например, в тексте указывается ребенку: «учися ныне, прилежно учися... с рабами в летех равных» (цит. по: [7, с. 274]). При этом Карион считает, что изучать нужно не только духовные науки, но и мирские знания. Обучать Истомин призывал как мальчиков, так и девочек, что входило в русло западноевропейских идей просветительства.

К слову сказать, тексты букварей были преподнесены царским детям: сыну Петра Великого — Алексею Петровичу и дочерям Ивана V.

Будущему императору Петру Карион посвятил книгу, которая называется «Вразумление» (1683). Она состоит из девяти стихотворений, в которых автор призывает юного царя следовать по пути нравственной жизни. Причем самой главной мыслью всех стихотворений становится идея о том, что царь должен являть своим подданным образец мудрости.

Карион Истомин полагает, что именно мудрость, потребность в знаниях является главной добродетелью, которая позволит молодому царю приять «мудрость света», стать полезным окружающим людям, справедливо править вместе с братом Иоанном, быть для своих подданных образцом нравственного поведения и тем самым заслужить любовь Бога.

Вот как обращается к молодому государю от имени Бога поэт в последнем стихотворении: «О царю Петре, прелюбезный сыне, / Российска царства преизрядный крине! / Матери твоей ты еси утеха, / Се аз ти даю в мудрости поспеха. / Учися ныне, прилежно учися / В младости твоей царь мудр просветися. / Пой предо мною, твоим Богом, смело, / Явль суд и правду, гражданское дело» [7, с. 274].

Таким образом, мы видим в данном тексте представления об идеале личности ребенка как о результате воспитания (Петру в тот период было всего 11 лет). При этом одним из самых важных воспитательных средств является, по мнению Кариона Истомина, именно приобщение ребенка к книжной мудрости.

Кариону Истомину принадлежит и стихотворный текст, названный им «Домостроем». Это книга, которая содержит правила поведения детей в обществе, а также правила их воспитания. Изучая данный текст, мы можем прийти к выводу о том, что, с одной стороны, он наследует определенные воспитательные идеи прошлых веков (отсюда понятное современникам название книги стихов «Домострой»), с другой стороны, он содержит новые педагогические идеи. Так, Истомин указывает детям на необходимость почитания своих родителей, следования по пути нравственной добродетели — «стяжения нравов благих», много говорит о необходимости учения книжного как лучшего способа совершенствования личности, важности труда (трудолюбие он считает частью нравственного воспитания: «леность есть всякого зла источник»).

Из педагогических советов Истомина, обращенных к родителям и наставникам детей, мы можем отметить учет возрастных особенностей детей, связь умственного, нравственного и физического воспитания, использование игр в формировании личности. Также автор предлагает отказаться от суровых телесных наказаний детей, заменив их какими-то действиями (например, земными поклонами во время молитвы). В качестве методов воспитания ученый монах предлагает пример и убеждение.

Заканчивая стихотворное произведение, Карион вновь обращается к теме просвещенности как важнейшей добродетели человека: «Наук изрядством Карион дети вся дарит, / в приятность иеромонах и старым говорит, / Истомин, чтоб благоумни все того смотрели, / науку и страх в должности имели» [7, с. 275].

Итак, рассматривая идеал личности ребенка, Истомин говорит о его составляющих: «наука и страх» — своеобразное сочетание традиционных и новых воспитательных подходов. Недаром исследователи творчества Кариона, анализируя другие его работы, среди которых книга «Полис, си есть град царства небесного, имущий ученик, моление и премудрость» (1694), стихотворные послания правящим монархам, полагают, что главная тема всего творчества Кариона — вера в просвещение. Недаром поэт восклицает: «Да учатся той (науке. — Л. Г.) меньшие дети. / И собирают разума цветы» [7, с. 85—87].

Помимо обозначенных выше сочинений Кариона, в последние десятилетия открываются и другие его труды. Так, А. А. Савельев и Н. В. Савельева предполагают, что найденная ими в архиве рукопись «Стихов учительных» принадлежит перу Кариона Истомина. Это отдельный список двестишестидесяти на 8 листах [24, с. 53].

Основные темы данных двестишестидесяти — наставления юным отрокам и отроковицам быть прилежными в деле познания истины, заботиться о развитии своего разума («Кто самого ся похощет познати, / той да потщится разума искати»), быть верными царю, не лениться («Праздность и старых людей повреждает, / младым же паче на вред та бывает»), заботиться не о семейном богатстве, а радеть о мудрости («Сыну глупому не помощь богатство, / аще не купит мудрости изрядства»), выбирать себе достойное дело для служения («Годствует юным всегда в деле быти») [24, с. 71—73].

Таким образом, с одной стороны, христианский идеал личности ребенка (стихи о грехе, о молитве, о благодати и прочее), а с другой — педагогические представления о необходимости просвещения детей, о важности их личностного совершенствования и осознания личной ответственности за свои поступки.

Кариону Истомину принадлежит стихотворное переложение сочинения Эразма Роттердамского «Гражданство обычаев детских» (1696). Подобный выбор книги для перевода свидетельствует о том, что Истомин особое внимание обращает на важность просвещения, приобщения детей к европейской культуре и образованности. Его волнует не только внутреннее духовное воспитание ребенка, но и внешнее воспитание, приобщение его к мирским знаниям и наукам.

Заметим, что фактически одновременно с Карионом Истоминым перевод «Гражданства обычаев детских» делает видный представитель византийско-русского направления Епифаний Славинецкий, чье литературное наследие было рассмотрено выше.

Однако текстуальный анализ его перевода доказывает, что Славинецкий старается более соответствовать духу православного вероучения, поэтому предваряет книгу достаточно большими выдержками из новозаветных религиозных текстов. Следовательно, для Славинецкого главной задачей воспитания является развитие личности ребенка-христианина, Карион Истомин больший акцент делает в сторону необходимости просвещения детей, развития их личности.

Более того, самого человека Карион понимает как существо, призванное к высокой деятельности. В духе западноевропейского Возрождения он говорит о личности как оместилище ума и силы, сам человек для ученого монаха — «душесловоразумоглаголевое сотворение» с «умною душой» [7, с. 275].

Выводы

Подводя итоги, мы можем заметить, что, сопоставляя взгляды на воспитание детей в семье сторонников византийско-русского направления («грекофилов») и «латинофилов», видим некоторые различия в их позициях. Они сводятся к пониманию значения личностного развития ребенка при его воспитании и пониманию значения просвещения и его границ.

Для сторонников византийско-русского направления личностное развитие ребенка не являлось делом первостепенной важности для воспитателя, сам процесс родительского воспитания они понимали в духе православных истин, опираясь более на священные тексты Нового Завета. Также процесс просвещения детей понимался ими как приобщение к христианскому знанию и христианскому благочестию. Таким образом, сторонники данного направления понимали «благое познание» как явление, ограниченное рамками «веры».

Для сторонников «латинофильского» направления была характерна вера в просвещение, само просвещение рассматривалось как целостный процесс приобщения детей и к христианской вере, и к мирским познаниям. «Латинофилам» было свойственно понимание самого процесса познания в рационалистическом ключе. Причем большое значение сторонники данного направления уделяли личностному развитию ребенка.

При этом само педагогическое наследие и «латинофилов», и «грекофилов» можно сопоставлять между собой, находя в нем общие взгляды на педагогические проблемы. Недаром П. Е. Бухаркин утверждает, что сторонники византийско-русского направления и «латинствующие» «достаточно легко находили общий язык, хотя в действительности “грекофильство” в интеллектуальной области являлось лишь смягченным вариантом “латинствования”» [4, с. 105].

Эту же мысль находим у Г. В. Талиной, которая полагает, что «латинское и эллинистическое начала, рассмотренные нами с точки зрения противоборства в церковной сфере и борьбе за внимание царской власти, в деле образования далеко не всегда и не во всем противоречили друг другу» [28, с. 69].

Можно заключить, что и «грекофилы» и «латинофилы» предлагали сугубо традиционалистическое понимание воспитания детей в семье. В данном случае традиционализм мы понимаем как ценность сложившихся за длительный период правил организации жизни людей. Следовательно, в данной связи педагогическую ценность представляют собой воспитательные идеи прошлого. Оба направления конструировали свою традицию воспитания детей в семье, указывая на ее самые важные элементы.

Византийско-русское и латинофильские направления стремятся к преобразению этой традиции, ее переосмыслению. Византийско-русское направление, осмысливая вопросы воспитания детей в семье, опирается на книжную греческую традицию и тексты Нового Завета, латинофильское — на сочинения западноевропейских авторов того периода. При этом последние два направления вызывают определенный интерес со стороны русской элиты, в том числе и представителей царской династии. При этом и «грекофилы», и «латинофилы» стремились создать новую научно обоснованную систему воспитания детей в семье.

Этот факт свидетельствует о поиске новых педагогических идей. По сути дела, в общественном сознании постепенно изменились представления об идеале личности ребенка как результате воспитания. Возникла потребность в новом типе личности. Однако представления об этом типе у авторов, принадлежавших к разным из выделенных нами направлений, не совпадали.

Намеченные педагогические тенденции в целом соответствовали духу времени. Многие представители интеллектуальной элиты ждали социальных преобразований, что подготовило почву для прихода Петра I, который избрал для России западный путь развития и предложил западно-ориентированные подходы к воспитанию.

Список использованных источников и литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1972. Т. 27. С. 3—68.
2. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв. / сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М. : Педагогика, 1985. 363 с.
3. Блинов В. И. Развитие теории и практики образования в России XVIII — начала XX века под влиянием изменений ценностных ориентаций, представлений об идеале человека и целях его воспитания : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. 260 с.
4. Бухаркин П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения Петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9—10. С. 100—121.
5. Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания // К истории древнерусской письменности и культуры. Пг., 1918. С. 33—57.
6. Бычков В. В. Эстетика в России. М. : Знание, 1989. 64 с.
7. Демков М. И. История русской педагогики. Ч. 1. Древнерусская педагогика. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 328 с.
8. Дионисий Ареопагит. Сочинения. СПб. : Алетейя, 2003. 863 с.
9. Диянов К. С. Полемика грекофилов и латинствующих в последней четверти XVII в. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014. 239 с.
10. Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М. : Наука, 1978. 267 с.
11. Извеков Д. Букварная система обучения в исходе XVII и начале XVIII столетий // Семья и школа. 1872. Кн. 2, № 4. С. 723—750.
12. Киселева М. С. Барочная антропология: нравственное богословие в проповедях Симеона Полоцкого // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 115.

13. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 3 т. Т. 3. [Репр. воспр. изд. 1873—1888 гг.]. М. : Книга и бизнес, 1992. 350 с.
14. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М. : Наука, 1970. 301 с.
15. Медынский Е. Н. Ценный памятник русской педагогики XVII века («Гражданство обычаев детских») // Советская педагогика. 1946. № 6. С. 71—81.
16. Морозов А. А. Симеон Полоцкий и проблемы восточнославянского барокко // Барокко в славянских культурах. М. : Наука, 1982. С. 170—190.
17. Нечаев В. Н. Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа XVII века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени / сост. А. М. Мартышкин, А. Г. Свиридов. М. : Патриот, 1991. Т. 2. С. 77—105.
18. Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань : Унив. тип., 1865. 209 с.
19. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л. : Наука, 1973. 282 с.
20. Подтергера И. А. Грамматическая часть в «Алфавитаре ради учения малых детей»: структура, содержание, источники // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 5 (5). С. 233—289.
21. Полоцкий С. Вечера душевная. М. : Верхняя типография, 1683.
22. Пуминова Н. В. Критика силлогистики и «внешней мудрости» в Московской Руси во второй половине XVII в. // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 11 (112). С. 72—80.
23. Румянцева В. С. Епифаний Славинецкий и «Правила поведения для юношества» Эразма Роттердамского // Исторический вестник. 2000. № 1 (5). С. 79—86.
24. Савельев А. А., Савельева Н. В. «Азбука учебная» Кариона Истомина // Litterarum fructus : сб. статей в честь С. И. Николаева. СПб. : Альянс-Архео, 2012. С. 53—74.
25. Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский и новое имя в русской поэзии XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1990. Т. 44. С. 300—324.
26. Сменцовский М. Н. Братья Лихуды: опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII в. СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1899. 460, LIV с.
27. Сфетас С. XVII век — века в развитии греческо-русских культурных отношений // Греческая культура в России XVII—XX вв. : [сб. статей]. М. : Ин-т славяноведения, 1999. С. 8—10.
28. Талина Г. В. Государство, церковь, образование в России второй половины XVII столетия // Ценности и смыслы. 2016. № 4. С. 61—70.
29. Усков В. А. «Домострой» протопопа Сильвестра и Ивана IV: регламент жизни россиян XVI—XVII вв. // Современное общество и власть. 2014. № 2.
30. Черная Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII — первой половины XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII века. М. : Наука, 1989. С. 220—232.

Поступила в редакцию 17.02.2022

Грицай Людмила Александровна, кандидат педагогических наук, доцент
 Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
 Российская Федерация, 390044, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46
 E-mail: usan82@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-3156-4074

UDC 37.03(09)

L. A. Gritsay

The dispute between “Grecophiles” and “Latinophiles” about the essence of raising children in the family in the second half of the XVII century

The article analyzes the pedagogical ideas that appeared in Russia in the second half of the XVIIth century. The purpose of the study is to analyze the original works of such authors as Epiphanius Slavynetsky, Evfimiy Chudovsky, Simeon Polotsky, Karion Istomin. The study uses methods that allow assessing the pedagogical heritage of the era, based on the historical reconstruction of pedagogical phenomena and their consistent comprehension. The paper identified common features of the positions of representatives of the Byzantine-Russian direction (“Grecophiles”) and representatives of the Western-oriented direction (“Latinophiles”), as well as contradictions that allowed us to distinguish two pedagogical trends in their understanding of the essence of raising children in the family. This made it possible to conclude that the main point of their confrontation was the idea of the need to focus on the enlightenment humanistic ideas of Western pedagogy or on the domestic traditions of education in their close connection with the legacy of Byzantine authors.

Key words: family upbringing, history of pedagogy, epoch of the XVII century, pedagogical ideas, “Grecophiles”, “Latinophiles”.

Gritsay Lyudmila Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
Russian Federation, 390044, Ryazan, ul. Svobody, 46
E-mail: usan82@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3156-4074

References

1. Adrianova-Peretts V. P. Chelovek v uchitel'noi literature Drevnei Rusi [Man in the educational literature of Ancient Russia]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-e Publ., 1972, vol. 27, pp. 3—68. (In Russian)
2. Babishin S. D., Mityurov B. N., comp. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Drevnei Rusi i Russkogo gosudarstva XIV—XVII vv.* [Anthology of pedagogical thought of Ancient Russia and the Russian state of the XIV—XVII centuries]. Moscow, Pedagogika Publ., 1985. 363 p. (In Russian)
3. Blinov V. I. *Razvitie teorii i praktiki obrazovaniya v Rossii XVIII — nachala XX veka pod vliyaniem izmenenii tsennostnykh orientatsii, predstavlenii ob ideale cheloveka i tselyakh ego vospitaniya: dis. ... d-ra ped. nauk* [The development of the theory and practice of education in Russia in the 18th — early 20th centuries under the influence of changes in value orientations, ideas about the ideal of a person and the goals of his education. Dr. Dis.]. Moscow, 2001. 260 p. (In Russian)
4. Bukharkin P. E. Feofan Prokopovich i dukhovno-intellektual'nye dvizheniya petrovskoi epokhi [Feofan Prokopovich and moral and intellectual movements of the Peter I period]. *Khristianskoe chtenie*, 2009, no. 9—10, pp. 100—121. (In Russian)
5. Bush V. V. Pamyatniki starinnogo russkogo vospitaniya [Monuments of ancient Russian education]. *K istorii drevnerusskoi pis'mennosti i kul'tury* [On the history of ancient Russian literature and culture]. Petrograd, 1918, pp. 33—57. (In Russian)
6. Bychkov V. V. *Estetika v Rossii* [Aesthetics in Russia]. Moscow, Znanie Publ., 1989. 64 p. (In Russian)
7. Demkov M. I. *Istoriya russkoi pedagogiki. Ch. 1. Drevnerusskaya pedagogiya* [History of Russian Pedagogy. Part 1. Old Russian pedagogy]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1899. 328 p. (In Russian)
8. Dionisii Areopagit. *Sochineniya* [Compositions]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2003. 863 p. (In Russian)
9. Diyanov K. S. *Polemika grekofilov i latinstvuyushchikh v poslednei chetverti XVII v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Controversy between Grecophiles and Latinists in the last quarter of the 17th century. Cand. Dis.]. Omsk, 2014. 239 p. (In Russian)
10. Eleonskaya A. S. *Russkaya publitsistika vtoroi poloviny XVII v.* [Russian journalism of the second half of the 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 267 p. (In Russian)
11. Izvekov D. *Bukvarnaya sistema obucheniya v iskhode XVII i nachale XVIII stoletii* [Letter system of education in the late 17th and early 18th centuries]. *Sem'ya i shkola*, 1872, book 2, no. 4, pp. 723—750. (In Russian)

12. Kiseleva M. S. Barochnaya antropologiya: npravstvennoe bogoslovie v propovedyakh Simeona Polotskogo [Baroque anthropology: moral theology in the sermons of Simeon Polotsky]. *Voprosy filosofii*, 2008, no. 7, pp. 115. (In Russian)
13. Kostomarov N. I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei: v 3 t. T. 3. (Repr. vospr. izd. 1873—1888 gg.)* [Russian history in the biographies of its main figures. In 3 vols. Vol. 3. (Reprinted reproduction of the 1873—1888 ed.)]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1992. 350 p. (In Russian)
14. Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 301 p. (In Russian)
15. Medynskii E. N. Tsennyi pamyatnik russkoi pedagogiki XVII veka (“Grazhdanstvo obychaev detskikh”) [A valuable monument of Russian pedagogy of the 17th century (“Citizenship of Children’s Customs”).] *Sovetskaya pedagogika*, 1946, no. 6, pp. 71—81. (In Russian)
16. Morozov A. A. Simeon Polotskii i problemy vostochnoslavianskogo barokko [Simeon Polotsky and problems of the East Slavic Baroque]. *Barokko v slavyanskikh kul'turakh* [Baroque in Slavic cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 170—190. (In Russian)
17. Nechaev V. N. Malorusko-pol'skoe vliyanie v Moskve i russkaya shkola XVII veka [Little Russian-Polish influence in Moscow and the Russian school of the 17th century]. *Tri veka. Rossiya ot Smuty do nashego vremeni* [Three centuries. Russia from the Troubles to our time]. Moscow, Patriot Publ., 1991, vol. 2, pp. 77—105. (In Russian)
18. *Osten. Pamyatnik russkoi dukhovnoi pis'mennosti XVII veka* [‘Osten’. Monument of Russian spiritual writing of the 17th century]. Kazan, University tip. Publ., 1865. 209 p. (In Russian)
19. Panchenko A. M. *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [Russian poetic culture of the 17th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 282 p. (In Russian)
20. Podtergera I. A. Grammaticheskaya chast' v “Alfavitare radi ucheniya malykh detei”: struktura, sodержanie, istochniki [The grammatical part in the “Alfavitare radi ucheniya malykh detei”: structure, content, sources]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Institute of the Russian Language n.a. V. V. Vinogradov]. 2015, no. 5 (5), pp. 233—289. (In Russian)
21. Polotskii S. *Vecherya dushevnyaya* [Supper for the Soul]. Moscow, Verkhnyaya tipografiya Publ., 1683. (In Russian)
22. Puminova N. V. Kritika sillogistik i “vneshnei mudrosti” v Moskovskoi Rusi vo vtoroi polovine XVII v. [Criticism of syllogistics and “external wisdom” in Muscovite Rus' in the second half of the 17th century]. *Vestnik RGGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, 2013, no. 11 (112), pp. 72—80. (In Russian)
23. Rumyantseva V. S. Epifanii Slavinetskii i “Pravila povedeniya dlya yunoshestva” Erazma Rotterdamskogo [Epiphany Slavinetsky and Erasmus of Rotterdam’s Rules of Conduct for Youth]. *Istoricheskii vestnik*, 2000, no. 1 (5), pp. 79—86. (In Russian)
24. Savel'ev A. A., Savel'eva N. V. “Azбука uchebnaya” Kariona Istomina [“Azбука uchebnaya” by Karion Istomin]. *Litterarum fructus: sb. statei v chest' S. I. Nikolaeva* [Litterarum fructus. A collect. of articles in honor of S. I. Nikolaev]. St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2012, pp. 53—74. (In Russian)
25. Sazonova L. I. Evfimii Chudovskii i novoe imya v russkoi poezii XVII v. [Evfimiy Chudovsky and a new name in Russian poetry of the 17th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, vol. 44, pp. 300—324. (In Russian)
26. Smentsovskii M. N. *Brat'ya Likhudy: opyt issledovaniya iz istorii tserkovnogo prosveshcheniya i tserkovnoi zhizni kontsa XVII i nachala XVIII v.* [Likhud brothers: research experience from the history of church education and church life in the late 17th and early 18th centuries]. St. Petersburg, Tipo-lit. M. P. Frolovoi Publ., 1899. 460, LIV p. (In Russian)
27. Sfetas S. XVII vek — vekha v razvitii grechesko-russkikh kul'turnykh otnoshenii [XVII century — a milestone in the development of Greek-Russian cultural relations]. *Grecheskaya kul'tura v Rossii XVII—XX vv.: (sb. statei)* [Greek culture in Russia XVII—XX centuries. (Collect. of articles)]. Moscow, In-t slavyanovedeniya Publ., 1999, pp. 8—10. (In Russian)
28. Talina G. V. Gosudarstvo, tserkov', obrazovanie v Rossii vtoroi poloviny XVII stoletiya [State, Church, and education in Russia in the second half of the 17th century]. *Tsennosti i smysly*, 2016, no. 4, pp. 61—70. (In Russian)
29. Uskov V. A. “Domostroi” protopopa Sil'vestra i Ivana IV: reglament zhizni rossiiyan XVI—XVII vv. [“Domostroy” of archpriest Sylvester and Ivan IV: Life Rules of the Russians in XVI—XVII Centuries]. *Sovremennoe obshchestvo i vlast' — Contemporary Society and Government*, 2014, no. 2. (In Russian)
30. Chernaya L. A. Kontsepsiya lichnosti v russkoi literature vtoroi poloviny XVII — pervoi poloviny XVIII v. [The concept of personality in Russian literature of the late 17th — early 18th centuries]. *Razvitie barokko i zarozhdenie klassitsizma v Rossii XVII — nachala XVIII veka* [The development of the Baroque and the genesis of classicism in Russia in the 17th — early 18th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 220—232. (In Russian)